

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О ВЛАДИМИРЕ СОЛОВЬЕВЕ

РОЗАНОВ В.В.: «Все они, русские философы до Соловьева, были как бы отделами энциклопедического словаря по предмету философии, без всякого интереса и без всякого решительно взгляда на что бы то ни было. Соловьев, можно сказать, разбил эту собирательную и бездушную энциклопедию и заменил ее правильно и единоличную книгу, местами даже книгой страстной. По этому одному он стал «философом».

<...> «Для него же (Вл. Соловьева. – ред.), – как представляется духовный и даже физический его лик, – никакой разбор его трудов или литературное прославление не надобны так и так горячо не желательны, как простая заупокойная литургия».

<...> «Заметно, как образ его улучшается, очищается после смерти; как и перед самою смертью он быстро становился лучше, как

будто именно приуговаривался к смерти. Разумеется здесь его отречение от горячих и неподготовленных попыток к церковному «синтезу» и вообще быструю его национализацию. Внук деда-священника вдруг стал быстро скидывать с себя мантию философа, арлекинаду публициста. «Схиму, скорее схиму!» – как будто только не успел договорить он, по примеру старорусских людей, московских людей. И хорошо, что он умер около Москвы, москвичом. Там ему место – около сердца России. Мы же не забудем еще и еще помянуть его, и именно церковно помянуть. Поверим, что это было самое горячее его прижизненное желание».

Розанов В. В. Около церковных стен, т. 2. СПб., 1906, с.239-242.

ЛОПАТИН Л.М.: «Глубокая религиозность с раннего детства и через всю жизнь, за исключением краткого перерыва в годы юности, и – полное свободомыслие. Напряженная сосредоточенность мощного и замечательно оригинального философского ума на самых трудных и возвышенных проблемах жизни и знания, и – чрезвычайная общительность, делавшая его незаменимым собеседником, отзывчивым товарищем, задушевым и мудрым другом. Редкая самобытность мысли, с ранних лет заставлявшая его на все смотреть по-своему, и – удивительно развитая способность усваивать и проникаться чужими взглядами, лежавшая в основе его громадной начитанности, в самых разнообразных областях, которая давалась ему как будто сама собой, без всяких особых усилий с его стороны. По существу, аскетический и печальный взгляд на условия чувственного земного существования, соединенный с очень серьезной, искренней и строгой постановкой идеала душевной чистоты, и – ясная жизнерадостность, страстная пылкость темперамента, способность к беззаветным сердечным увлечениям, которая нередко проносилась опустошающими бурями в его потрясенном духе. Мистические прозрения в глубочайший смысл жизни, скорбное сознание ее внутреннего трагизма, и – неиссякаемый юмор, светлая веселость, детски заразительный хохот, ко-

торого не забудет никто из знавших Соловьева лично. Изумительная терпимость к чужим мнениям, позволявшая ему близко сходить с людьми совсем другого умственного и духовного склада, чем он сам, и – горячий задор в спорах даже о незначительных предметах. Беспечность, доходящая до безалаберности в устройстве своих личных дел, и – трогательная заботливость о чужих делах, не только готовность, но тонкое практическое умение помочь в чужой нужде. И много можно было бы привести еще таких же пар противоположностей и все они так гармонически уживались в своеобразном единстве личности Соловьева, что его никак нельзя вообразить без них. И на всем этом лежала такая прочная и неистребимая печать внутреннего благородства, высшего аристократизма души, что он органически был неспособен подчинять свою волю каким-нибудь пошлым и низким побуждениям. Высокий строй духа был прирожден ему, и оттого в нем не поколебали его никакие житейские испытания и никакие перемены судьбы, и он донес его до могилы. Таков был Соловьев как человек».

Лопатин Л.М.

Памяти Вл.С. Соловьева. – Вопросы философии и психологии, 1910, №5, кн.105. – С.625-627.

ЛОСЕВ А.Ф.: «Нам кажется, что поступить с Вл. Соловьевым нужно так, как поступили с ним египетские бедуины, когда он, живя в Каире, задумал путешествовать по пустыне в своем английском цилиндре. И нужно подражать этим бедуинам не только при первой их встрече с Вл. Соловьевым, но и при их расставании с ним. Сначала они приняли его за черта, и для обезвреживания скрутили ему руки и ноги. А потом тут же убедились, что это самый обыкновенный человек и что чудачеств у него нисколько не больше, чем у других людей. Тогда они немедленно сняли с него путы и отпустили на волю. Мы тоже поступим справедливо, перестав видеть во Вл. Соловьеве опасного черта, сняв наложенные на него арестантские путы и незамедлительно выпустив его на волю. А воля эта будет заключаться только в том, чтобы исследователи честно и добросовестно, а главное, научно, изучали его философское и литературное наследие с анализом как всех его положительных, так и всех отрицательных сторон. Если научное исследование установит в нем безусловно отрицательные черты, то никогда не будет поздно назвать его чертом и наложить на него путы. Но сделано это будет, по крайней мере, не в результате обывательского испуга без прочтения хотя бы одной строки из его произведений, а в результате научного анализа. Однако в результате научного анализа у него могут оказаться и положительные черты. Но в таком случае у подобного черта можно будет только поучиться.

Впрочем, уже и теперь (как и всегда) здесь необходимо придерживаться того тезиса, что исследователь, если он следует правилам строгой науки, не имеет права отвергать великих людей прошлого за их несовре-

менные для нас убеждения и настроения или за одну их общественно-политическую деятельность. Если отвергать Вл. Соловьева за то, что он был верующий христианин, то тогда придется отвергать и Ньютона за то, что он снимал шляпу, произнося имя Божье, и Дарвина за то, что он был церковный староста, и Менделеева за то, что он был тайный советник, и имеющую мировое значение музыку Римского-Корсакова за то, что этот последний был адмирал, и рефлексологию Павлова за то, что Павлов ходил в церковь и жертвовал на ее нужды. Иначе нам придется произвести такой исторический погром, после которого и от истории-то ничего не останется. Добрым словом хочется помянуть имя уважаемого Владимира Сергеевича Соловьева. Важный и ценный он был человек, редкий был человек. Это был светлый и свободный интеллект, которому к тому же было присуще вольное чувство жизни, включая всю глубину, всю фантастику и юморику реальной действительности. Вл. Соловьев любил Россию без всякой славянофильской лакировки, наоборот, с резкой критикой византийско-московского православия, но и решительно без всяких западных восторгов перед достижениями буржуазной цивилизации. Самым резким образом Вл. Соловьев критиковал и Восток, и Запад, и все общественно-политические несовершенства старого режима в России. Но сама Россия в течение всей его жизни оставалась его единственной и страстной любовью. Спасибо ему».

Лосев А.Ф.

Владимир Соловьев и его время. – М.: Прогресс, 1990. – С.677-679.